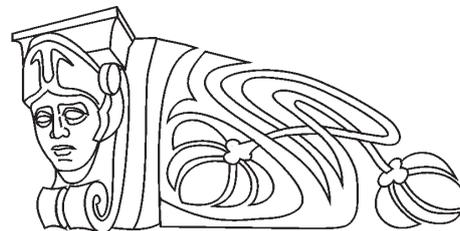

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 249–253
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 249–253
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-249-253>, EDN: LUAVII

Научная статья
УДК 304.2

Образ женщины в условиях современной псевдодемократической мифологемы

В. А. Андреева

Омский государственный технический университет, Россия, 644050, г. Омск, Пр. Мира, д. 11

Андреева Валентина Александровна, аспирант кафедры истории, философии и социальных коммуникаций, andreeva_valyaaa@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1395-3874>

Аннотация. Введение. Образ женщины является одним из неотъемлемых форм существования человека, в зависимости с которыми мы выстраиваем свое понимание мира, отношения в обществе, представления о Другом. Данная статья посвящена критическому анализу трансформации образа женщины в сетевом обществе. **Теоретический анализ.** В современном обществе усиливается приверженность агендерной позиции, предполагающей отказ от гендерных различий, тогда как последние служат одним из источников человеческой культуры. Возникает кризисная ситуация, сопровождающаяся потерей гендерной самоидентификации, нарушением интернализации и экзистенциальной фрустрацией. В сетевом обществе образ женщины поливариативен и определяется интерпретацией актора, его использующего, но человек обретает и воспроизводит свою родовую сущность только в интуициях социальной целостности, путем трансцендирования. **Заключение.** Мы приходим к выводу, что образ женщины в сетевом обществе конструируется посредством псевдодемократической мифологемы, которая создает иллюзию свободы и приводит к полной автономии индивидов, что служит причиной отчуждения человека от общества и тем самым от самого себя. Предложен выход из сложившегося кризиса гендерной идентичности посредством социального трансцендирования, включающего в себя сигнификацию.

Ключевые слова: миф, образ женщины, сетевое общество, социальное трансцендирование

Для цитирования: Андреева В. А. Образ женщины в условиях современной псевдодемократической мифологемы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 249–253. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-249-253>, EDN: LUAVII

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of a woman in the conditions of modern pseudo-democratic mythology

V. A. Andreeva

Omsk State Technical University, 11 Mira Prosp., Omsk 644050, Russia

Valentina A. Andreeva, andreeva_valyaaa@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1395-3874>

Abstract. Introduction. The image of a woman helps to construct one's understanding of the world, relations in society, ideas about the Other. This article is devoted to a critical analysis of the transformation of the image of a woman in a network society. **Theoretical analysis.** Today, the position of rejecting gender differences, which serve as one of the sources of human culture, is increasing in society. A crisis situation arises, accompanied by the loss of gender self-identification, the violation of internalization and existential frustration. In the network image of society, women are polyvariant and solve it by interpreting the actor who uses it, but a person acquires and manifests his or her generic essence only in the intuitions of the social essence, with the help of transcending. **Conclusion.** We come to the conclusion that the image of a woman in a network society is constructed by means of a pseudo-democratic mythologeme, which implements the illusion of freedom and leads to the full autonomy of individuals, which is the cause of alienating a person from society and thereby from himself/herself. The proposed way out of the existing gender identity crisis is by means of transcending communication, which includes signification.

Keywords: myth, image of a woman, network society, social transcending

For citation: Andreeva V. A. The image of a woman in the conditions of modern pseudo-democratic mythology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 249–253 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-249-253>, EDN: LUAVII

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Человек с рождения включен в социальный мир и приобщается к определенному символическому порядку. «Мальчик или девочка?» – один из первых вопросов, которым задаются родители, и уже в самом начале своего жизненного пути человек окружен гендерными знаками, как например, розовая или синяя лента на пеленальном одеяле новорожденного. Без создания, осмысления и воспроизведения образов невозможны сознательная деятельность человека и социальная коммуникация. В сетевом обществе наблюдается и нарастает конвергенция мужского и женского, т.е. становится все сложнее установить, какие характеристики и функции включает в себя тот или иной гендер.

Гендер – это социально-исторический конструкт, через призму которого происходит персонализация личности, осознание собственной идентичности и формирование Я образа, т.е. образа женщины или мужчины и т.п. Мы используем понятие «образ женщины», так как оно шире понятия «гендер», но тесно с ним связано. Образ женщины является отображением матрицы существования, транслирующей идентификационные модели женской идентичности, которые складываются в условиях аутопоэтической коммуникации. Категория «образ» всегда имеет двойственную природу и отображает взаимосвязь сознания человека с объективной реальностью в процессе познания. Образ служит неотъемлемым средством для творчества, передачи, сохранения общественных смыслов, норм и чувственных реакций, которые переживаются людьми субъективно и интерсубъективно. Гендер – это социально приемлемые правила и нормы поведения, т.е. внешнее предписание, которому человек следует и, руководствуясь которым, выстраивает свою жизненную стратегию. Самопрезентации образа женщины основываются на самосознании субъектом собственного Я, что отсылает нас к проблеме познания субъектом своего жизненного мира в целом.

Бытие женщины и мужчины равнозначно в своей сущностной родовой основе, но существование человека возможно лишь в условиях социальной реальности, которая надындивидуальна, субстанциональна и конструируется по собственным законам, включающим определенную систему различий.

Теоретический анализ

Традиционно женские и мужские социальные роли формировались и закреплялись как результат воздействия власти на сферу сексу-

альности. Термин «власть» мы понимаем как возможность субъекта осуществлять свою волю по отношению к Другому. Таким детерминантом в истории на основании различных религиозных предписаний выступал Бог, отец и муж как глава семьи в патриархальном устройстве общества, политический институт как регулятор социальных отношений и т.п.

Понятие «сексуальность» мы рассматриваем как культурный феномен и противопоставляем его животному инстинкту. Такой позиции придерживался Ж. Бодрийяр: «...Соблазн представляет собой господство над символической вселенной, тогда как власть лишь господство над реальностью» [1, с. 36]. В религиозных и мифологических источниках содержатся идеи, согласно которым сексуальность не просто порождение символического, но и то, что непосредственно повлияло на становление культуры. Вспомним, например, сказание народов Древней Месопотамии. Богатырь Энкиду вырос среди диких зверей и не был знаком с цивилизованным общественным устройством жизни. Для того чтобы завлечь Энкиду в Урук, к нему отправляют Шамхат – блудницу. Сексуальная связь с Шамхат меняет Энкиду, он перестает быть частью животного мира и становится частью мира людей. Энкиду исторгнут из мира первобытной дикости, так как животные, с которыми он жил раньше, после связи с Шамхат разбегаются от него в разные стороны [2]. Следуя месопотамской традиции, секс делает человека человеком. Аналогично источником культуры человека Ж. Батай объявляет запрет на инцест и наступивший вследствие его потлач женщин. Таким образом, автор подчеркивает именно социальное, религиозное, правовое и моральное значение, а не просто условие выгодной сделки во имя безопасности и экономической выгоды [3, с. 41].

В религиозном мировоззрении прослеживаются две основные линии по отношению к сексуальности. В одной из них сексуальность провозглашается греховной чувственностью (ислам, христианство и т.п.). В другой, напротив, сексуальность является частью культа (даосизм, тантризм и т.п.). В том или ином случае проблема сексуальности остается сокрытой и относится к области религиозных и мистических верований и должна восприниматься только как объект веры, а значит быть в подчинении системы представлений и власти, основанной на них.

Наиболее распространенной и оказавшей значительное влияние на устройство традиционного общества является трактовка сексуальности как греховной чувственности. Контроль над сексуальностью осуществлялся различными

санкциями. Кроме прямого телесного наказания, устанавливаются определенные формы мышления, например, посредством такого экзистенциала, как стыд. Чувство стыда формируется из-за негативной оценки и неприятия обществом какой-либо формы поведения. Стыд – это не просто принятие вины из-за совершения преступления, а еще и негативная оценка себя, сопровождающаяся неприятными эмоциями. Люди испытывают стыд тогда, когда сами себя не принимают. Таким образом то, что реально «извне», становится соответствующим тому, что реально «внутри». Интернализация проходит посредством экзистенциалов. Переживания стыда мужчины и женщины различны. Индивид вне зависимости от пола переживает чувство вины, если осознает невозможность выполнения всеобщего законодательства. Однако вина мужчины конструируется на внутренней вине (совести), а вина женщины – на внешней вине (стыде). С этой позиции мужской субъект относится непосредственно к инстанции всеобщего закона, а женский объект всегда опосредован Другим [4, с. 406]. Такая модель присуща традиционному обществу и является несостоятельной в современном обществе, где права женщины уравниваются с правами мужчин.

Идеологический образ «новой женщины», получивший распространение в Новое время, безусловно, привел к положительным результатам, но и породил обратные процессы. Вовлечение женщины в сферу производства носило революционный характер и расширяло границы ее социальных возможностей, но одновременно в соответствии с марксистской концепцией это привело к ее двойному угнетению – на работе и дома. Обратимся к экзистенциалу заботы. В современной социологии существует несколько подходов к данной категории. Один из них связан с пониманием заботы как специфического женского опыта, обусловленного гендерными семейными ролями матери, дочери, жены и др. [5, с. 6]. Например, «поколение сэндвича» – люди в возрасте от 45–46 лет – сталкиваются перед тремя вызовами: забота о еще не выросших детях, забота о уже престарелых родителях, занятость на оплачиваемом труде. Данной практической заботой в частной сфере до сих пор зачастую занимаются женщины. «Новая женщина» остается идеологическим мифом, так как попытки определения женщины нейтрализовали женское в терминах «мужских». «Женское – то, что располагается по ту сторону любой выявляемой и в конечном счете субстантивируемой “женственности” – будь то вытесненной или победившей» [1, с. 18].

В сетевом обществе основной производственной единицей является информация, но она не равна смыслу. В условиях такого общества упраздняется традиционный миф и утверждаются мифологемы. «Традиционный миф отличается синкретизмом, образной целостностью; современные социальные мифологемы – фрагментарные множественности, ни о какой целостности в них речи не идет, только о некоем пазловом соединении» [6, с. 19]. Фрагментарные идеи теряют принципиальную целостность, приходят в противоречия сами с собой, замыкаются в себе, не отсылают к реальности, а симулируют ее системные символы и атрибуты, но вместе с тем не исключают себя, а, напротив, обретают псевдоустойчивость. Тотальная свобода информации делает социальное бытие абсолютно прозрачным.

По своей природе мифологическое мировоззрение устремлено к восприятию мира (в том числе социального) в его целостном единстве, т.е. оно направлено на союз, согласование и выживание общества. Такими чертами обладает миф традиционного общества, который отражает диалектику единства и противопоставления человека с природой, а также идеологический миф «новой женщины», уравнивающий мужское и женское духовное начало в его социальной значимости. В условиях постиндустриального (сетевого) общества миф транспарантен, так как не связан и не отражает реальность: миф означает сам себя и конвертирует свой собственный вымысел [6].

Характерными чертами сетевого общества выступают децентрализованность, текучесть, сложность и неопределенность реальности, вследствие чего возникает затруднение при выделении всеобщего, устойчивого детерминанта образа женщины, как это было возможно в традиционном обществе. В традиционном обществе образ женщины определен неким смыслом, который на основании общего ценностного согласия значительней и авторитетней любого индивидуального начала. В сетевом обществе, напротив, приоритет в вопросе гендерного самоопределения отдается индивидуальному, иррациональному началу. Например, при выборе гендера ставится вопрос «кем ты себя ощущаешь?», т.е. зачастую человек начинает обращаться уже не столько к смыслу, сколько к своему эмоционально-чувственному восприятию мира. Может ли человек быть оставлен с этим вопросом один на один?

Сетевое общество децентрализовано, что допускает, например, существование раз-

личных идеологических оснований образа женщины, которые могут использоваться как в конфронтации, так и в комплементарности. Проведем параллели данного положения с идеями о неподлинном существовании человека у М. Хайдегера: «...Теперь может возникнуть мнение, что понимание самых чужих культур и их «синтез» со своей ведут к полной и впервые истинной просвещенности присутствия насчет себя самого. Искушенное любопытство и беспокойное всезнание симулируют универсальную понятность присутствия. Но по сути остается не определено и не спрошено, что же собственно подлежит пониманию» [7, с. 205].

Сегодня возникают различные виды гендеров, например, такие как демигендер, пангендер, бигендер, гендер-флюид и т.п. Человек находится в поиске себя и пытается самоопределиваться с помощью утверждения новой нормы: «...Отчуждение опять же не может однако значить, что присутствие становится от самого себя фактически оторвано; напротив, оно вгоняет присутствие в способ бытия, склонный к предельнейшему «самоанализу», искушающий себя во всех толковательных возможностях, так что являемые им «характерологии» и «типологии» сами уже становятся необозримы» [7, с. 206]. Например, демигендеры отождествляют себя частично с одним гендером и в то же время с другим. По какой формуле рассчитывается пропорциональность соотношения гендеров в одной личности? Не является ли данное решение гендерной проблемы самообманом? Возникает иллюзия свободы, и человек отчуждается от своего Я.

В современном обществе образ женщины зависит от интерпретации актора его использующего, поэтому следует при его анализе обращаться к экзистенциальным или индивидуально-личностным сторонам этого явления. Экзистенция представляет собой уникальность бытия каждого индивида в модусах возможностей. Она не замкнута в собственном существовании, а, напротив, предполагает интенцирование за его пределы и устремленность к абсолютному бытию. Трансцендирование выступает базовой характеристикой экзистенции. Обратившись к работе Э. Тирикьяна, следует отметить, что социальная жизнь имеет трансцендентное измерение, в котором человек может обрести свободу в интуициях социальной целостности [8, с. 257].

Представители религиозного экзистенциализма выделяют трансцендентную реальность, которая отличается от реальности эмпирического мира, видят реальность человека укорененной в чем-то таком, что превосходит индивида.

Э. Тирикьян прослеживает пересечение в идеях экзистенциализма и социологии. Трансценденция – это направленный выход за пределы себя и то, что дает индивиду его Я и свободу. Общество у Э. Дюркгейма выступает как этико-религиозная реальность, превосходящая индивида. С точки зрения экзистенциализма, свобода – это неотъемлемая часть человеческой экзистенции, а, по мнению Э. Дюркгейма, человек способен обрести свободу только в обществе [8, с. 257].

Заключение

Проблема гендерной идентичности в условиях современной псевдодемократической мифологии становится замкнутой в пределах крайнего индивидуализма, женское и мужское перестают быть знаковыми образованиями. Такого рода крайний индивидуализм может быть преодолен с помощью соединения повседневного и символического внеповседневного уровня социальной реальности путем трансцендирования. Сигнификация как процесс создания и обозначения человеком знаков выступает одним из способов социального трансцендирования, которое «...немыслимо без творческой составляющей, оно интенционально, темпорально-горизонтно, intersубъективно и коммуникативно, в большой степени интуитивно; но оно телеологично, причем и потому, что не ограничивается лишь действием, а превращается в сложную многогранную (эйдетическую, интуитивно-рациональную, духовную и материальную) деятельность» [9, с. 28].

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. М. : Ad Marginem, 2000. 320 с.
2. Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М. : Наука, 1979. 219 с.
3. Батай Ж. История эротизма / пер. с фр. Б. Скуратова. М. : Логос, 2007. 200 с.
4. Введение в гендерные исследования : учебное пособие. Ч. 1 / сост. Е. Гапова, Е. Горошко, Е. Здравомыслова, С. Жеребкин, И. Жеребкина, Е. Иванова, Е. Карпенко, И. Кон, Е. Мезенцева, Е. Мещеркина, С. Поленика, Л. Попкова, Н. Пушкарева, А. Темкина, А. Усманова, С. Ушакин, И. Чекалова, Е. Ярская-Смирнова; под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков : Харьковский центр гендерных исследований ; СПб. : Алетей, 2001. 708 с.
5. Бороздина Е. А., Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Забота в постсоветском пространстве между патернализмом и неолиберализмом: феминистские исследования // Критическая социология заботы.

- Перекрестки социального неравенства / под ред. Е. А. Бороздиной, Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 6–23.
6. Пилюгина Е. В. Состояние постмодерна: сингулярность бытия, транспарентность сознания и вирусы тоталитарных идей // *Studia Humanitatis*. 2014. № 1-2. С. 19.
 7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библикина. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
 8. Тирикьян Э. Социологизм и экзистенциализм // *Личность, культура, общество*. 2002. Т. 5, вып. 3–4 (13–14). С. 240–277.
 9. Латышева Ж. В. Социальное трансцендирование как концептуальная основа понимания культуры и общества // *Концепт: философия, религия, культура*, 2020. Т. 4, № 2 (14). С. 25–32. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-25-32>
- References**
1. Baudrillard J. *Soblazn* [Temptation]. Moscow, Ad Marginem, 2000. 320 p. (in Russian).
 2. Afanas'eva V. K. *Gil'gamesh i Enkidu. Epicheskie obrazy v iskusstve* [Gilgamesh and Enkidu. Epic Images in Art]. Moscow, Nauka, 1979. 219 p. (in Russian).
 3. Bataille Zh. *Istoriya erotizma* [History of Eroticism]. Moscow, Logos, 2007. 200 p. (in Russian).
 4. *Vvedenie v gendernye issledovaniya: uchebnoe posobie* [Gapova E., Goroshko E., Zdravomyslova E., Zherebkin C., Zherebkina I., Ivanova E., Karpenko E., Kon I., Mezentseva E., Meshcherkina E., Polenika S., Popkova L., Pushkareva N., Temkina A., Usmanova A., Ushakin S., Chekalova I., Yarskaya-Smirnova E., comp.; Zherebkina I. A., ed. Introduction to Gender Studies: A Study Guide. Part 1]. Kharkov, Kharkovskiy tsentr gendernykh issledovaniy Publ.; St. Petersburg, Aleteya, 2001. 708 p. (in Russian).
 5. Borozdina E. A., Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. Care in the Post-Soviet Space Between Paternalism and Neoliberalism: Feminist Studies. In: *Kriticheskaya sotsiologiya zaboty. Perekryostki sotsial'nogo neravenstva* [Borozdina E. A., Zdravomyslova E. A., Temkina A. A., eds. Critical Sociology of Care. Crossroads of Social Inequality]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019, pp. 6–23 (in Russian).
 6. Pilyugina E. V. The postmodern condition: singularity of being, transparency of consciousness and viruses of totalitarian ideas. *Studia Humanitatis*, 2014, no. 1–2, pp. 19.
 7. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag GmbH&CoKG, 1993. 437 S. (Russ. ed.: Heidegger M. *Bytiye i vremya*. Kharkiv, Folio, 2003. 503 p.).
 8. Tirikyan E. Sociologism and existentialism. *Lichnost', kul'tura, obshchestvo* [Personality, Culture, Society], 2002, vol. 5, iss. 3–4 (13–14), pp. 240–277 (in Russian).
 9. Latysheva Zh. V. Social transcending as a conceptual basis for understanding culture and society. *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture], 2020, vol. 4, no. 2 (14), pp. 25–32 (in Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-25-32>

Поступила в редакцию 22.03.2023; одобрена после рецензирования 01.05.2023; принята к публикации 09.06.2023
 The article was submitted 22.03.2023; approved after reviewing 01.05.2023; accepted for publication 09.06.2023